

Сергей Темчин

О ВОЛЫНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ РУКОПИСНОГО ПЕРЕВОДА КОРАНА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК ПО РУКОПИСЯМ ЛИТОВСКИХ ТАТАР XVII-XX ВЕКОВ*

Литовскими татарами (в широком смысле) называются потомки разнородных групп преимущественно тюркоязычных мусульман, поселившихся в первой четверти XIV века в Великом княжестве Литовском, где они, сохраняя приверженность исламу, постепенно перешли на руську мову, а затем и местную разновидность польского языка. После Люблинской унии 1569 года немалая часть восточнославянских земель, вместе с местным (в том числе татарским) населением, перешло в Польское королевство. Ныне потомки этих татар живут в Литве, Польше и Беларуси, называя себя соответственно литовскими (в узком смысле), польскими и белорусскими татарами.

До середины XX века существовала также четвертая группа литовских татар — украинские татары: их общины имелись в северо-западных регионах Украины, прежде всего на Волыни, в границах современных Ровненской и Хмельницкой областей. В XVI-XVIII вв. они проживали в Остроге (где действовала их мечеть и кладбище, а улица их компактного проживания называлась Татарской), Полонном и Староконстантинове, а также селах Хоров, Розваж, Подлужье, Новолабунь, Ювковцы (с мечетью), Нетешин¹.

Языковая славянизация литовских татар обусловила возникновение в XVI веке местной арабскографичной религиозной (мусульманской) письменности на руськой мове и польском языке. На последний был выполнен свободный (интерпретирующий) перевод Корана, подписываемый арабскими буквами под оригинальным (арабским) текстом в рукописном Тефсире²,

^{*} Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного Национальной программой развития гуманитарных наук Польши (Narodowy Program Rozwoju Humanistyki Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego, 11 H 16031984; 2017-2021).

¹ Подробнее см.: *Якубович М.М.* Татарсько-мусульманське населення південно-східної Волині XVI-XX століть: історична ретроспектива // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Історичне релігієзнавство. — Острог, 2010. — Вип. 2. — С. 186-196; *Якубович М.М.* Іслам в Україні: Історія і сучасність. — Вінниця, 2016. — С. 133-145.

² Konopacki M. Z historii przekładów Koranu w Polsce // Znak. – Kraków, 1973. – Nr. 224 (luty). – S. 276-281; Suter P. Zu den Koranübersetzungen der Litauischen Tataren // Schweizerische Beiträge zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava 1993 / Ed. J.P. Locher. – Bern etc., 1994 (Slavica Helvetica. – T. 42). – S. 371-395; Suter P. Alfurkan Tatarski: Der

известном ныне в двух десятках списков второй половины XVII-конца XIX века (древнейшая рукопись датируется 1686 г.)³. Тот же самый перевод в виде отдельных сур содержится также в литовско-татарских списках иных

litauisch-tatarische Koran-Tefsir. – Köln-Weimar-Wien, 2004 (белорусский перевод: Сумер П. Альфуркан татарскі: Каран-тэфсір татараў Вялікага княства Літоўскага / Пер. з ням. мовы І. Сынковай, В. Свяклы, М. Тарэлкі; пад рэд. Г. Цыхуна. – Мінск, 2009); Кулинич Е.В. Перевод Корана в среде литовских татар: история и перспективы изучения // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 7-10 февраля 2007 г.) / Под ред. С.В. Пахомова. – Санкт-Петербург, 2007. - С. 138-146; Тарэлка М.У. Тафсір А. Мухлінскага // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. - Мінск, 2007. - Вып. 9. - С. 160-172; Lapicz Cz. Glosy, komentarze, objaśnienia etc., czyli o pozakoranicznych dopiskach w rękopiśmiennych tefsirach muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai / Red. T. Bairašauskaitė. – Vilnius, 2008. – P. 69-80; Kulwicka-Kamińska J., Lewicka M. Transformacja immanentną cechą przekładu tekstu specjalistycznego – na podstawie polskiego tłumaczenia Koranu z 2. połowy XVI w. // Linguistica Copernicana. - Toruń, 2012. – Nr. 2 (8). – P. 65-75; Łapicz Cz. Staropolski przekład Koranu jako oryginalne źródło filologiczne // Cum reverentia, gratia, amicitia...: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Bogdanowi Walczakowi / Red. J. Migdał, A. Piotrowska-Wojaczyk. - Poznań, 2013. - S. 319-328 (первое издание статьи см. Теолингвистика: Међународни тематски зборник радова / Ред. А.К. Гадомски, К. Кончаревић. – Београд, 2012. – С. 442-450); Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego: teorija i praktyka badawcza / Pod red. J. Kulwickiej-Kamińskiej i Cz. Łapicza. – Toruń, 2015; Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym: Prace dedykowane Profesorowi Czesławowi Łapiczowi / Pod red. M. Krajewskiej, J. Kulwickiej-Kamińskiej, A. Szulc. – Toruń, 2016. – T. 1: Księgi wyznawców islamu. Kitabistyka; Kulwicka-Kamińska J. Dialogue of Scriptures: the Tatar Tefsir in the context of Biblical and Qur'anic interpretations. - Berlin-New York, 2018 (European studies in theology, philosophy and history of religions. – Vol. 19); Тарэлка М.У. Тафсір Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі // Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов (Материалы Международной научной конференции, Пинск, 29-30 мая 2019 г.). – Минск-Москва, 2019. – С. 536-542; Temchin S.Y. Взаимосвязь рукописных тефсиров и китабов литовских татар: коранический аят 36:14 и «Посольство Исы в Антиохию» // Litteraria Copernicana. - Toruń, 2020. – Nr. 1 (33). – P. 53-60.

³ Titowiec J. Pierwszy przekład Koranu na język polski. Ze zbioru siedemnastowiecznych rękopisów w Centralnej Bibliotece Naukowej Narodowej Akademii Nauk Białorusi // Rocznik Biblioteki Narodowej. – Warszawa, 2004. – T. 36. – S. 231-236; Drozd A. Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku // Rocznik Biblioteki Narodowej. – Warszawa, 2004. – Т. 36. – S. 237-250; *Тарэлка М.У.* Калафоны мінскага тафсіра 1098/1686 г. // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. – Мінск 2006. – Вып. 8. – С. 34-43; Тарэлка М.У. Калафоны мінскага тафсіра 1098 / 1686 г. // Путь длиною в полстолетия. К 50-летию образования отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси / Под ред. А.В. Стефановича, М.М. Лис. – Минск, 2015. – С. 203-211; *Тарэлка М.У.* Тэфсір 1686 г. (Тэксталагічны аналіз суры 36; папярэднія вынікі) // Беларусь і цюркска-ісламскі свет. З нагоды 615-годдзя ўзнікнення татарска-мусульманскай супольні на землях ВКЛ: Зборнік навуковых прац / Рэд. І.А. Сынкова, М.У. Тарэлка. – Мінск, 2015. – С. 137-147; Сеўрук Д. Прыпіскі рэлігійнага зместу на старонках Мінскага тэфсіра 1686 г. (Р214): спроба моўнага і рэлігіязнаўчага аналізу // Беларусь і цюркска-ісламскі свет. З нагоды 615-годдзя ўзнікнення татарска-мусульманскай супольні на землях ВКЛ: Зборнік навуковых прац / Рэд. І.А. Сынкова, М.У. Тарэлка. – Мінск, 2015. – С. 116-125; *Тарэлка М.У.* Мінскі тафсір 1686 г.: Вынікі апошніх даследаванняў // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza. – Poznań, 2017. – Vol. 24 (44), nr. 2. – S. 163-175.

типов книг: Хамаила (сборника мусульманских молитв) и, реже, Полукитаба (относительно небольшого по объему сборника религиозных рассказов). Единичные следы этого перевода содержится также в хранящемся в Пскове рукописном Коране 1682 года⁴.

Точное время выполнения этого польского тефсирного перевода неизвестно, но в любом случае он стал третьим (после латинского и итальянского) полным переводом Корана на европейский язык. Перевод сделан на местный региональный вариант польского письменного языка (polszczyzna kresowa), изобилующий восточнославянскими языковыми особенностями разных уровней (фонетики, грамматики и лексики). Это обстоятельство обусловило относительную языковую неоднородность дошедших до нас списков: в одних из них наблюдаются результаты вторичной полонизации (увеличения количества польских черт), а в иных – вторичной рутенизации⁵, т.е. большего насыщения восточнославянскими особенностями, не заслоняющего, однако, польской языковой основы, наблюдаемой во всех списках литовско-татарского Тефсира⁶.

Вторичные языковые изменения, наблюдаемые в отдельных рукописях, относятся прежде всего к области фонетики (проявляясь в правописании), в меньшей степени морфологии, но почти не затрагивают лексику, которая остается в основном одинаковой в разных списках⁷. Это позволяет использовать фонетику и отчасти морфологию для локализации отдельных рукописей литовско-татарского Тефсира (точнее — диалектной принадлежности последнего переписчика), а лексику и словообразовательные особенности — для определения места возникновения первоначального польского перевода Корана.

⁴ Крачковский И.Ю. Рукопись Корана в Пскове // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. — Москва-Ленинград, 1955. — Т. 1. — С. 162-165 (первое издание статьи см. Доклады Российской Академии наук. — Серия В. — Москва, 1924. — Октябрь-декабрь. — С. 165-168); *Tarelka M.* Пскоўскі Каран 1093/1682 г. Новыя звесткі // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Pod red. J. Kulwickiej-Kamińskiej i Cz. Łapicza. — Toruń, 2013. — S. 291-306.

⁵ Темчин С.Ю. Польский перевод первой суры Корана по рукописям литовских татар: предварительная текстологическая оценка источников XVIII-XX вв. // Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego: teorija i praktyka badawcza / Pod red. J. Kulwickiej-Kamińskiej i Cz. Łapicza. – Тогиń, 2015. – S. 213-242; ср.: Тарэлка М.У. Беларусізмы ў татарскім перакладзе Карана XVII ст. на польскую мову // Беларуска-польскія культурна-моўныя ўзаемадачыненні: Ад гісторыі да сучаснасці / Навук. рэд. В.М. Курцова і інш. — Мінск, 2016. – С. 217-221.

⁶ Сутер П. Существует ли белорусский перевод Корана (тефсир)? // Другая Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя "Ісламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі" (Менск, 19-20 траўня 1995 г.). – Менск, 1996. – Ч. 1. – С. 50-56; *Тарэлка М.У.* Пераклад Карана на беларускую мову, створаны татарамі былога ВКЛ (праблема існавання) // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20-27 жніўня 2013 г.): Даклады беларускай дэлегацыі / Рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск, 2013. – С. 173-182.

⁷ См. общую характеристику лексики польского тефсирного перевода Корана: *Kulwicka-Kamińska J.*, Leksyka tatarskich tekstów przekładowych // Białostockie Archiwum Językowe. – Białystok, 2020. – Nr. 20. – S. 97-118.

Ниже я постараюсь показать, что некоторые восточнославянские языковые (лексические и словообразовательные) особенности польского тефсирного перевода Корана позволяют связать его возникновение с ныне уже не существующими татарскими общинами Украины, хотя все его списки, известные на сегодняшний день, имеют белорусскую диалектную привязку. Рассмотрим эти особенности с указанием суры и аята соответствующих мест коранического перевода.

Поскольку в древнейшем Тефсире 1686 г. (Минск, Центральная научная библиотека им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси, П16-18/Ср2 (Р214))⁸ перевод первых 18 сур выполнен преимущественно на староосманский язык (с небольшими вкраплениями польского перевода), и лишь остальной текст последовательно переведен на польский, ниже используется второй по хронологии список, содержащий полный польский перевод Корана — Тефсир 1723 г. из Алитуса (частное собрание)⁹, латинографичная транскрипция которого выполнена участниками торуньского исследовательского проекта под руководством Чеслава Лапича и Йоанны Кульвицкой-Каминьской¹⁰.

1. Наречие *чимало* 'довольно много, немало' содержится во фрагменте *čimalō strašicelōw prōrōkōw* 'немало устрашителей, пророков' (46:22). Оно произошло в результате слияния вопросительной частицы *чи* и наречия *мало* (и соответствующего прилагательного *малий*) – первоначально употреблявшихся в вопросах типа *Чи мало*? 'Разве (это/этого) мало?', но в результате последующего слияния расширивших сферу своего употребления также на утвердительные предложения¹¹. Соответствующее белорусское прилагательное обычно имеет фонетический облик *цімала* (прилагательное – *цімалы*)¹², хотя известен также вариант *чымалы*. Это делает более вероятным скорее украинское, чем белорусское происхождение зафиксированной в Алитусском

 $^{^8}$ *Тарэлка М.У., Цітавец А.І.* Рукапісы татараў Беларусі канца XVII-пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны: Каталог. — Мінск, 2011. — С. 24-27.

⁹ Drozd A., Dziekan M.M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. – Warszawa, 2000 (Katalog zabytków tatarskich. – T. 3). – S. 48 (Nr. 2); Kulwicka-Kamińska J. Tefsir z Olity – uwagi językoznawcy // Slavistica Vilnensis. – Vilnius, 2015. – T. 60. – P. 159-176; Kulwicka-Kamińska J. O czym informują glosy w tatarskiej literaturze przekładowej? (na przykładzie tefsiru z Olity) // Rocznik Tatarów Polskich. – Białystok-Olsztyn-Wrocław, 2015. – Seria 2. – T. 2 (16). – S. 45-52.

¹⁰ Kulwicka-Kamińska J. Projekt Tefsir – wydanie krytyczne XVI-wiecznego przekładu Koranu na język polski // Nurt SVD. – Pieniężno, 2017. – T. 148, zesz. 2: Tatarzy i Tatarzy polscy. – S. 208-223; Kulwicka-Kamińska J. Edycja tefsiru Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego – z problematyki transkrypcji i transliteracji // Jak wydawać teksty dawne / Pod red. K. Borowiec i in. – Poznań, 2017. – S. 201-217.

 $^{^{11}}$ Етимологічний словник української мови / Ред кол. О.С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – Київ, 2012. – Т. 6. – С. 320.

 $^{^{12}}$ Ср., например, диалектное наречие *цімало* 'очень давно', см.: Тураўскі слоўнік / Рэд. А.А. Крывіцкі. — Мінск, 1987. — Т. 5. — С. 274.

тефсире формы. В данной рукописи вопросительная частица записывается как ci и как či, что позволяет считать последний вариант принадлежащим более старому языковому слою, потесненного (но не вытесненного) последующей белорусизацией, связанной со вторичным распространением польского перевода Тефсира с украинских земель на белорусские. При этом Тефсир 1723 г. из Алитуса не отражает взаимозамены арабских букв, обозначающих согласные [c] и [č], изредка наблюдаемой в славянских арабскографичных рукописях литовских татар¹³.

- 2. Прилагательное *ранюсенький* представлено в контексте *w ranūsenķix pōrankax* 'на заре (*досл.* ранними утрами)' (51:18) и зафиксировано в украинской языковой традиции.
- 3. Существительное *віршовник* 'поэт' употреблено в контексте *žeś ti jest po'eta wiršōwnik* 'что ты поэт' (52:30); оно функционирует в украинском (наряду с вариантом *віршівник*)¹⁴, но не известно в белорусском языке.

Представленный выше материал почерпнут из сур 40-55 польского тефсирного перевода и, вероятно, может быть расширен за счет привлечения остального текста Корана. Однако и этих немногочисленных данных достаточно для соотнесения данного перевода с украинской языковой средой, повлиявшей на отраженную в ней региональную разновидность польского письменного языка (polszczyzna kresowa).

Этот вывод хорошо согласуется с обоснованным ранее тезисом о том, что некоторые из ранних славянских арабскоалфавитных рукописей литовских татар могут быть связаны не только с белорусской, но также и украинской диалектной средой, поскольку содержат ряд общих языковых черт, характерных для всего полесского ареала, охватывающего его северную (белорусскую) и южную (украинскую) части¹⁵. Две местные мусульманские рукописи XIX в., ныне хранящиеся в Остроге, заведомо созданы украинскими татарами, что отразилось также на их языковых особенностях¹⁶.

К общим белорусско-украинским языковым чертам можно отнести рассмотренное выше наречие *чимало*. Однако иные две описанные здесь лекси-

¹³ См.: *Антонович А.К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графикоорфографическая система. – Вильнюс, 1968. – С. 262-263; *Danylenko A.* On the language of early Lithuanian Tatars or, Have Lithuanian Tatars ever written in Ukrainian? // The Slavonic and East European Review. – 2006. – Vol. 84, no. 2. – P. 220, note 92.

 $^{^{14}}$ Етимологічний словник української мови / Ред кол. О.С. Мельничук (гол. ред.) та ін. — Київ, 1982. — Т. 1. — С. 403.

¹⁵ Danylenko A. On the Language of Early Lithuanian Tatars... – Р. 201-236; *Тарэлка М.* Мова аднаго кітаба і старабеларуская карылічная пісьмовая традыцыя // Беларуская лінгвістыка. – Мінск, 2011. – Вып. 66. – С. 33-40.

¹⁶ Якубович М.М. Кетаби волинських татар: Коран зі Скрилова і Хамаїл із Ювківець // Dziedzictwo kulturowe Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego: 50 lat kitabistyki / Pod red. Cz. Łapicza. − Toruń, 2019. − S. 96-110 (предварительная версия: Якубович М. Іслам в Україні. − С. 163-176).

ко-словообразовательные особенности являются собственно украинскими, указывая на возникновение рукописного перевода Корана на польский язык в татарских общинах Украины.

Дальнейшее распространение этого перевода Корана на более северные (белорусские) территории — первоначально на юго-западные районы современной Беларуси и далее на север, запад и восток — позволяют связать его появление с Волынью (а не более южным Подольем), где основным татарским центром являлся Острог. Там же располагался крупный культурнообразовательный центр — Острожская академия (1576-1636), известная своей активной переводческой и издательской книжной деятельностью и преподаванием (в том числе польского языка), продолжавшейся до конца жизни ее основателя князя Василия-Константина Острожского († 1608), отец которого покровительствовал местной татарской общине.

С учетом этого культурного контекста можно полагать, что рукописный перевод Корана на польский язык был, скорее всего, выработан именно в Остроге еще при жизни Василия-Константина Острожского, т.е. не позже начала XVII в., видимо, не без влияния активной переводческой деятельности книжного кружка при Острожской академии.

Нижним хронологическим пределом для этого мусульманского перевода следует считать время издания Острожской Библии 1581 года, которая, надо полагать, подала местным татарам наглядный (хотя и иноверный) пример выработки полного перевода Священного Писания. Ведь, как известно, литовские татары считали Ветхий Завет авторитетной книгой, следили за его местными христианскими изданиями и даже неоднократно использовали в своей славянской арабскоалфавитной письменности протестантские печатные переводы Библии на польский язык: Брестскую Библию 1563 г., Несвижскую Библию 1570-1572 гг. и Гданьскую Библию 1632 года¹⁷. Церковнославянская Острожская Библия не подходила для подобного использования, но вряд ли могла остаться незамеченной для местных татар.

Учитывая обе означенные выше даты, перевод Корана на польский язык следует примерно датировать рубежом XVI/XVII веков (по крайней мере до обнаружения новых данных для уточнения этой хронологии). В любом случае польский тефсирный перевод Корана был создан на восточнославянских территориях Польского королевства, хотя его дальнейшее бытование, обеспечившее ему сохранность вплоть до наших дней, связано с землями Великого княжества Литовского.

¹⁷ *Kulwicka-Kamińska J.* Wielopoziomowe relacje między literaturą religijną Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego a przekładami Biblii na języki narodowe // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza. – Poznań, 2018. – Vol. 25 (45), nr. 2. – S. 200-201.